

ОТКУДА И КУДА

СОВРЕМЕННАЯ ТЕХНОКРАТИЧЕСКАЯ УТОПИЯ: РОССИЙСКИЙ КОНТЕКСТ

© 2012

О.В. Попова

**Попова
Ольга**

Владимировна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН, старший научный сотрудник Научного центра здоровья детей РАМН.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФГФ, проект № 10-03-00846а/Б.

¹ Уэллс Г. Современная утопия // Завтра: Фантаст. альманах. Вып. 1. С. 120.

² Юдин Б.Г. Еще раз о перспективах человека // Наука. Общество. Человек. С. 245.

³ Там же.

В одном из очерков Герберт Уэллс дал такое определение утопии — «это “царство будущего”, которое человек создает себе в грезах»¹. Тем самым он выразил характерную черту практически всех известных ему утопий — они только создаются, но не осуществляются. Действительно, автор классической утопии не интересуется средствами достижения благого состояния общественного устройства либо рассматривает их в общем виде, не выделяя промежуточных этапов и не планируя деятельность конкретной общественной группы, которая могла бы заняться реализацией утопического проекта.

Характерные особенности современной технократической утопии выражаются в глобальном масштабе ее применения (в предельном выражении современная утопия стремится охватить все человечество) и потенциции воспроизводимости в различных географических и социальных контекстах при более-менее общем уровне технологического развития.

Б.Г. Юдин отмечает, что импульс, питающий современное утопическое мышление не иссякает, однако «обретает себя на иной почве — место социальных утопий занимают утопии индивидуальные»². Такие утопии локальны, поскольку направлены на изменение будущего только самого автора утопии, его детей и близких. Обычно они ориентированы на достижения генетики и «выступают как проявления того, что именуют “приватной”, “семейной”, “домашней” евгеникой»³. Вместе с тем частный характер современной утопии парадоксальным образом соотносится с глобальными тенденциями ее распространения, связанными с определенными социальными рисками. Латентный глобализм может проявляться в том, что общий универсальный эффект от достижения выгодных государству (или конкретным лицам — заказчикам) целей будет оцениваться таким образом, как если бы он был желателен с точки зрения перспективы частных лиц, превратившись в результат выражения демократической воли граждан. Между тем, за подобной демократией будет стоять не столько демократический консенсус, сколько “игра” в него, навязанная (например, средствами массовой информации) перспектива и стратегия принятия решений в отношении своего здоровья, улучшения жизни будущих поколений и т.д. По этой причине приходится постоянно держать в уме тот факт, что современная возможность реализации технологических проектов связана с развитием “чувства” доверия к технологической инновации. Индивидуальная вера в технологию, то есть частная перспектива технологичес-

кой утопии, способна стать источником реализации политических действий и открыть горизонты политической драмы.

Любая утопия может рассматриваться как своего рода абстракция, ей свойственно отвлекаться, игнорировать те или иные черты жизненного мира, его законы и его хаотичность в целях конструирования определенной модели социальной реальности, соответствующей ожиданиям и потребностям ее авторов.

Процесс отхода от жизненного мира, согласно идеям немецкого философа В. Флюссера⁴, имеет четыре этапа развития, характеризующиеся становлением человека как разработчика (производство инструментов как первая стадия), наблюдателя (производство образов как вторая стадия), скриптора (изготовление текстов как третья стадия), калькулирующего существа (производство техники — четвертая стадия). Все этапы являются последовательной реализацией абстрагирующей способности человека. Указанный процесс носит конечный характер. Так, при достижении высшей точки абстрагирования вновь происходит переход к конкретному жизненному миру.

В эпоху технологий подобный переход осуществляется не иначе как на технологической основе. Ярким примером этого является применение техник компьютерного моделирования к визуализации тела человека. Тело рассматривается не столько как источник природных процессов, сколько в качестве объекта манипуляций и контроля, места реализации идеи управления природой. Как показывает Д. Кампер⁵, процесс формирования человеческой культуры сопряжен с конститутивным влиянием абстракции и трансформацией (расширением) телесности как конкретного ее приложения. Д. Кампер оценивает процесс утраты жизненного мира и живого тела — его выражения — в качестве неизбежной культурной предопределенности. Характерный для современной культуры атрофеоз бестелесной самости, выражающийся в таких тенденциях, как вытеснение на периферию, замалчивание темы смерти, ориентация на телесную безвременность (культ вечной молодости) или распространение трансгуманистических идей с их отказом принять смерть как данность раскрывают агонию естественного желания человека быть бессмертным. Аналогом бестелесной самости в технологическую эпоху является человеческое (постчеловеческое?) существо с искусственным телом-машиной — бессмертным носителем сознания. Такой образ человека (как абстракции и артефакта) заложен в основание трансгуманистических проектов.

Современные технологические проекты зачастую ориентированы исключительно на функциональный формат человеческого существования. На нынешнем этапе технологического развития он предполагает вытеснение культурных (хабитуальных) практик и замещение их методами технического воздействия. Речь идет о феномене нано-биоинфо-нейро-технологической интервенции. Являясь маркерами стремительной динамики научного знания, тенденции применения психофармакологических средств для воспитания “послушных” граждан, возможность генетического дизайна будущих поколений и массовый генетический скрининг как предвестник неоевгеники, внедрение информационно-коммуникационных технологий (“чипирование”) и другие технологии попутно могут приводить и к расширению стратегических направлений социального контроля, его усилению, проявляющемуся во все более тонких методах воздействия на человеческое тело, и осознанном размывании границ риска.

⁴ Flusser V. Vom Subjekt zum Projekt. Menschenwerdung.
⁵ Кампер Д. Тело. Насилие. Боль.

Анализ современной антропотехнической утопии на примере российских форсайт-проектов

ОТКУДА И КУДА

Обращаясь к анализу современных российских антропотехнических проектов (утопий), следует отметить такую характерную для них черту: в их основании лежит ориентация не только на применение западных инновационных технологических разработок, но и на заимствование идейной и методологической базы. В методологическом отношении российские антропотехнические проекты “Детство-2030”, “Россия-2045” опираются на широко распространенный “бренд” — форсайт (от англ. foresight — “взгляд в будущее”), который рассматривается в качестве технологии формирования будущего.

В отличие от прогноза форсайт подвергает разбору различные варианты возможного будущего и анализирует те или иные, способные повлиять на него условия, дает оценку выгодным сценариям развития и информирует общество о необходимых мерах по реализации предпочтительного сценария. В проекте “Детство-2030” подчеркивается: “Форсайт — это не “прогноз” (*forecast*) в смысле угадывания будущего, часто определяемого факторами, на которые не способны повлиять лица, принимающие решения. Форсайт исходит из *вариантов возможного будущего*, которые могут наступить при выполнении определенных условий: правильного определения сценариев развития, достижения консенсуса по выбору того или иного желательного сценария, предпринятых мер по его реализации”⁶.

Определяя сценарии развития человеческого сообщества и выбирая среди них предпочтительные, форсайт направлен на конструирование определенного образа человека, черты которого отражают чаяния и ожидания заинтересованных лиц (заказчиков форсайта). Форсайт как технология “работы с будущим” формирует возможные сценарии развития “выгодного” человека, а использование новых технологий изменяет отношение к целям и ценностям развития свободного существа.

Подрывая монополию того или иного ракурса самопонимания, развитие технологий может одновременно апеллировать к очень узкому видению человека. Одним из наиболее значимых идеологических трендов последнего десятилетия стало воспроизводство человека как конкурентоспособного капитала, который должен обладать определенными качествами согласно требованиям рыночной экономики: быть успешным, умным, сильным, социально эффективным. Вопрос о том, как получить соответствующего этим критериям человека с помощью новейших технологий, уже приобретает национальный политический масштаб.

Современная трансгуманистическая претензия соотносить онтологические границы человека с границами сложных технических устройств выглядит вполне естественно на фоне распространившейся тенденции рассматривать отчужденное машинное производство в качестве модели для воспроизводства человека вообще, что составляет основу современного “цивилизационного” развития: «Человеческие ресурсы создаются, выращиваются по самым сложным технологиям, которые являются главным достижением любой страны. Каждая страна “проектирует” своего гражданина, как проектирует свои самолеты, атомные электростанции. Если нет такой возможности... то “проект человека” покупают у развитых стран в форме идеологии, системы образования и воспитания»⁷.

⁶ <http://detstvo-2030.ru/> (дата обращения 5 декабря 2011 года).

⁷ <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3251> (дата обращения 18 апреля 2012 года).

Человек оказывается не востребован в качестве индивидуальной личности перед абстрактными рациональными построениями экономики, определяющей жесткий безличный формат современных антропо-технических утопий и деперсонализированную сущность человека. В качестве экономической проекции человеческого потенциала⁸ человеческий капитал, однако, является лишь одним из многочисленных вариантов антропологических проекций и не должен заслонять собой саму проективную способность человека быть разным в своих возможностях.

Форсайт-проект “Детство-2030”. В апреле 2008 года Благотворительным фондом “Мое Поколение” на площадке Общественной палаты РФ инициирован форсайт-проект “Детство-2030”. Он был официально заявлен на проходившей в Шанхае выставке “ЭКСПО-2010” в качестве российской программы вхождения в XXI век.

Переход России на инновационный путь развития и ее включение в мировую конкуренцию представляет актуальный сегодня патриотический вариант “грез о благом” — стратегической цели общественного развития. Эта цель, как следует из проекта, должна быть достигнута путем взращивания будущей интеллектуальной элиты, на плечи которой ляжет задача создания инновационной экономики.

Одной из инициатив проекта является идея трансформации официального дискурса о детстве: оказывается, что язык, на котором сейчас говорят о детях, безнадежно устарел и не удовлетворяет требованиям, предъявляемым к детям самой жизнью. Расшатывание структуры дискурса, изменение смысла его ключевых понятий (таких, как семья, любовь, близкие и др.) рассматривается как этап трансформации всей сложившейся культуры отношений в системе “ребенок—общество”.

На основе анализа существующих российских стереотипов в отношении детства создатели проекта сделали вывод: доминирующим типом детского дискурса в настоящее время является “оградительный”. Социально-экономическое проявление действия подобного дискурса состоит в том, что “системы поддержки маргинальных слоев” передаются государству (правоохранительным органам), что “приводит к развитию иждивенчества и воспроизводству маргинального слоя, а не к его социализации”⁹. Оградительный дискурс несет на себе нагрузку избыточного количества стереотипов — тех устойчивых характеристик, консервативный характер которых резко тормозит процесс модернизации развития детей. В качестве примера можно привести два из них как наиболее примечательных.

Во-первых, в проекте отмечается, что массовым стереотипом в России является заблуждение о родительской любви к детям: “реальное положение дел состоит в том, что родители в большинстве своем *равнодушны к своим детям* и воспринимают воспитание своего ребенка скорее как обязанность. Любовь же проявляется в основном в критических или экстремальных ситуациях (болезнь, аварийная ситуация, поступление в вуз и т.д.), не превращаясь в инструмент повседневного воспитания”¹⁰. Вслед за этим утверждением следует ссылка на проведенное в 2007 году исследование Независимого института социальной политики в рамках международной исследовательской программы “Поколения и гендер”. Выводы этого исследования гласят: “Лишь 58% беременных настаивают желанно и вовремя, что означает, что более 40% детей в России появляются на свет не запланированно и нежеланными своими родителями (аборты считаются отдельно)”¹¹. Таким пара-

⁸ Человеческий потенциал — способность социума к продуктивной жизнедеятельности в направлении повышения качества жизни всех его членов и собственной устойчивости в расширяющихся границах внутренних и внешних условий. См. Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода / Под ред. И.Т. Фролова..

⁹ <http://detstvo-2030.ru/> (дата обращения 5 декабря 2011 года).

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

ОТКУДА И КУДА

доксальным образом авторы проекта соотносят 58% желанных беременностей с тем фактом, что “родители в большинстве своем равнодушны к своим детям”, то есть, по их мнению, не существует жесткой устойчивой связи между запланированной и желанной беременностью и любовью к родившемуся ребенку. Сложность и многозначность любви (в том числе к детям), отношение ее к обязанности, родительскому долгу — это отдельная огромная тема, которая, к сожалению, не стала предметом рефлексии авторов проекта.

Еще один стереотип — “дети должны жить в семьях” — также, по мнению “проектировщиков”, должен быть подвергнут трансформации. Авторы полагают, что “семейная структура *резко тормозит* развитие детей. В развитых странах дети вырастают в многообразной среде различных воспитательных сообществ, клубов, детских организаций и др.”¹². Однако они тут же вводят читателя в сильное замешательство, подчеркивая, что “50% российских детей живут с одним родителем, а основное воспитание (особенно в школьном возрасте) дети получают вне семьи”¹³. Каким образом семейная структура может тормозить развитие ребенка при ее (исходя из данных опроса) фактически виртуальном присутствии, остается загадкой. Отвергая традиционные формы воспитания (в семье) в пользу новых форм родительства (например, в воспитательных сообществах), авторы не задумываются над тем достаточно очевидным обстоятельством, что мера родительского равнодушия, какой бы высокой она ни была в России, все же может оказаться значительно ниже равнодушия обслуживающего персонала (возможно, машинного) в инновационных воспитательных сообществах, видимо, техно-детдомах.

Изменение дискурса родительства в сторону большей самостоятельности детей — от отсутствия возможности выбора своих родителей к ситуации, когда дети становятся компетентными в формировании собственной траектории и растут в воспитательных сообществах, — характеризует переход от патерналистской модели взаимоотношений к предоставлению детям автономного статуса. Авторы отмечают: “В современном обществе дети, вырастая, чаще всего не знают как воспитывать своих детей, ...будущее поколение вырастает скорее вопреки взрослым, чем в соответствии с их схемами организации”¹⁴. Однако выраженный акцент на автономии личности ребенка плохо коррелируется с безопасным тезисом о знании авторами технологий (механизмов) воспитания, за которым просматривается равнодушие к индивидуальности ребенка и выдвигание на первый план задач формирования человека по схемам, выгодным политической и экономической системам.

В этом проблемном поле особый интерес представляет понятийный аппарат проекта. Так, одним из наиболее широко используемых понятий является “маргинальный слой”. Отсутствие дефиниции данного понятия позволяет толковать его предельно широко и, в частности, сделать вывод о принадлежности к маргинальному слою всех граждан, которые по тем или иным причинам оказались зависимыми от системы государственно-правовых гарантий в области социальной защиты. Эта интерпретация обусловлена контекстом проблематизации данного понятия при анализе таких проблем современной России, как иждивенчество и перенаселение (маргиналами). Анализ российской практики “развитого” иждивенчества, являющейся, с точки зрения авторов, результатом действия механизмов социального распределения, игнорирует особенности российской системы социального обеспечения.

¹² <http://detstvo-2030.ru/> (дата обращения 5 декабря 2011 года).

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

Оборотной стороной обсуждения проблем иждивенчества является четко проведенная евгеническая линия проекта, выраженная в установке на селекцию детей (и вообще человечества) по критерию успешности. Евгенические коннотации звучат также в постановке проблемы “качества” населения, для решения которой предлагается привлечение “качественной” детской миграции, а также в положительной оценке практики, направленной на применение методов генетической манипуляции в целях создания детей с заданными свойствами. Авторы проекта сознательно обходят стороной ту проблему, что ориентация на привлечение качественной детской миграции, равным образом как и биотехнологическое вмешательство в природу человека на ранних ступенях его развития направлены на отвержение традиционных форм развития личности — образования и воспитания.

Завершающим штрихом к иллюстрации этой тенденции мог бы послужить пример трансформации дискурса о детстве в сфере образования. Речь идет о смене парадигмы образования — от массовых образовательных траекторий к отсутствию образовательной системы и формированию разнообразных траекторий вступления в жизнь.

Дискурсу “оградительного детства” в проекте противопоставляются более “выгодные” дискурсы “прикольного детства” и “компетентного детства”. Первый связан с целым рядом инновационных направлений, социальных инициатив: новым родительством, перемещением расходов в пользу детства, развитием индустрии детских товаров и сервисов, появлением детской моды. Второй направлен на формирование самостоятельности ребенка, под которой подразумевается определение собственного стиля жизни, принятие независимых решений, построение собственных стратегий образования. Ребенок здесь рассматривается как субъект экономических отношений, вступающий в деловые игры с миром взрослых, более того, конкурирующий с ним как равный участник экономических отношений.

В проекте прослеживается отчетливая взаимосвязь между внедрением технологических инноваций и трансформацией социальной структуры, поэтапным изменением распределения социальных ролей. Так, к 2020 году в детях видят источник дополнительной рабочей силы, используемой, например, для работы в Интернете. К 2023 году планируется создание робота, который способен имитировать поведение настоящего ребенка. Его внедрение будет происходить в рамках самых различных социальных программ — от обучающего инструмента при подготовке родителей до продажи тем, кто не хочет или не может иметь настоящих детей и т.д. В детях видится предмет роскоши, поэтому “маргинальные слои” должны довольствоваться технологической альтернативой — ребенком-роботом. Неотрефлексированным остается статус ребенка: с одной стороны, он должен стать активным участником социального мира (дети могут участвовать в производстве, зарабатывать, выдвигать собственные стратегии образования), с другой стороны (к 2025 году), — он представляет собой биоматериал, из которого можно конструировать по социальному заказу то или иное существо, лишённое даже в минимальной степени автономии и собственной стратегии развития.

В конце 2010 года участники I Всероссийского родительского форума “Спасем семью — спасем Россию!” в своем обращении к президенту РФ Д.А. Медведеву выразили резко критичное отношение к содержанию проекта: «Общественность поражена бесчеловечной ци-

ничностью положений форсайт-проекта “Детство-2030”. Чего стоят такие предложения, как: предложение отправить на свалку истории детско-родительскую любовь как заблуждение и атавизм; упразднить “устаревшую” традиционную семью, заменив “множественными”, “гостевыми” и прочими формами сожительств, ввести обязательное лицензирование и экзамены на право воспитания собственных детей, отбирать детей у “неуспешных” родителей и передавать в “компетентные воспитательные сообщества”; отменить традиционное образование и вживлять детям в мозг микрочипы “для связи с глобальными информационно-управляющими сетями” и другие “инновации”. Это антиобщественный путь модернизации и развития нанотехнологий в ущерб общечеловеческим ценностям»¹⁵.

После многочисленных открытых акций протеста против аморальной инновационности проект подвергся существенной редакции, стал более мягким по отношению к “старомодному” родительскому мнению, не так настойчив в отношении целенаправленного технологического дизайна ребенка. Тем не менее базовая интенция проекта осталась прежней: понятие ребенка как “человеческого капитала” так и не обогатилось понятием “личности”, видимо, при сборке машины не интересуются ее ценностями.

Форсайт-проект “Россия-2045”. Следующим примером применения форсайт-методологии является проект “Россия-2045”. Он направлен на увеличение продолжительности жизни человека путем создания искусственного тела и возможности переноса в него сознания. Кроме того, данный технопроект представляет собой общественное движение, которое включает ведущих представителей (экспертов) из различных областей знания, которые в рамках сформированных рабочих групп реализуют конкретные задачи проекта (например, создание искусственной руки с высокой степенью свободы или нейрокомпьютерного мозга робота). Цель движения — формирование социального заказа на инновационные разработки в сфере высоких технологий и создание наполненного новыми ценностями образа жизни в свете увеличения ее продолжительности.

Идеологическим подспорьем проекта, очевидно, послужили футурологические идеи Р. Курцвейла и других теоретиков технологической сингулярности. Именно в контексте этих идей 2045 год (по другим оценкам — 2030) приобретает символическое значение. Предполагается, что к этому моменту технологический прогресс станет чрезмерно сложным и абсолютно неуправляемым, однако в помощь людям будут созданы искусственный интеллект и самовоспроизводящиеся машины.

В отличие от других подобного рода футуристических (как правило, трансгуманистических) проектов “Россия-2045” характеризуется четким планированием, постановкой конкретных задач, решать которые должны представители междисциплинарных рабочих групп, в основном ведущие ученые России. В связи с этим утопичность поставленной цели (бессмертие человека или резкое увеличение продолжительности жизни путем переноса сознания на искусственные носители) компенсируется потенциальными общественно значимыми результатами, которые могут возникнуть в рамках решения конкретных задач. Так, Министерство образования и науки Российской Федерации отмечает “положительную роль Движения в привлечении внимания общественности, в том числе молодежи, к важнейшим направлениям современной науки, таким, как робототехника, нейрофизиология, распознавание образов и моделиро-

¹⁵ Обращение участников I Всероссийского родительского Форума “Спасём семью — спасём Россию” к Президенту Российской Федерации Д.А.Медведеву. http://www.ruskline.ru/analitika/2010/12/25/nadeemysya_chno_nash_golos_budet_uslyshat (дата обращения 18 апреля 2012 года).

вание живых систем, содействии в продвижении массового сознания идей инновационного общества¹⁶. Более того, инициативной группе движения предлагается “подготовить и направить в Минобрнауки России обоснованный проект создания отдельного организованного на принципах частно-государственного партнерства специализированного объединенного научного центра по исследованиям когнитивных процессов в живых системах, разработкам технических комплексов, обладающих когнитивными свойствами, искусственных органов, биотехнических интерфейсов и гуманоидных систем”¹⁷.

Авторы проекта настаивают на смене сценариев современного общественного развития. Так, транснациональный постиндустриальный капитализм и связанная с ним ценностная парадигма общества потребления должны смениться новой общественной формацией с условным названием “неочеловечество”, которое будет жить в новую эпоху перехода к космической сверхцивилизации неолюдей на базе интенсивного развития NBIC (нано-био-инфо-когно) и GNR (генетик-нано-роботикс) технологий. Неочеловек — это существо, обладающее искусственным телом (или несколькими телами) и сознанием, которое имело опыт проживания в биологическом теле, исчерпавшим все ресурсы.

Поэтапная реализация проекта выглядит следующим образом:

2015 — создание первого аватара;

2017 — запуск аватара в серийное производство;

2020 — первый успешный эксперимент по пересадке мозга в искусственное тело;

2025 — первый коммерческий экземпляр искусственной копии тела человека, в который пересаживается мозг в конце жизни;

2030 — создание искусственного мозга;

2035 — перенос сознания в полностью искусственное тело;

2040 — создание тела-голограммы;

2045 — перенос сознания в тело-голограмму.

Авторы проекта признают, что достижению стратегических целей препятствует недостаточный уровень научно-технической базы и кадрового обеспечения. В связи с этим особое значение придается методу реверсивного проектирования технологий. В экспертных заключениях проекта анализируются преимущества и недостатки зарубежных (японских) моделей андроидных роботов, рассматриваются их функциональные характеристики.

Ориентация на инновационные разработки других стран, дилетантство во многих стратегических направлениях, безусловно, не относятся к сильным сторонам проекта. Однако, по мнению его разработчиков, определенное рода дилетантство является не только отрицательной стороной, но и особой методологической установкой проекта как в отношении развития робототехники, так и других направлений развития науки.

Приемлемость данного приема вполне очевидна. Он соразмерен российским социально-экономическим условиям с характерным для них низким уровнем научной и материально-технической базы, отсутствием необходимых специалистов и т.д. Однакостораживает сознательное (не вынужденное) игнорирование разработчиками необходимости проведения этической экспертной оценки. Реверсивное проектирование технологий, к сожалению, не подтолкнуло авторов проекта к мысли о рефлексивном изучении выработанных в технологически развитых странах этических подходов на этапе внедрения инноваций.

¹⁶ <http://www.2045.ru/news/28923.html> (дата обращения 18 апреля 2012 года).

¹⁷ Там же.

Широкий спектр проблем робо-этики, волнующий исследователей в наиболее развитых странах мира, прежде всего в Японии, пока еще не коснулся сферы нравственного сознания не только разработчиков проекта, но и вообще всего российского общества. Современная (био)этика в этой связи выходит на уровень осмысления следующих частных проблем: кто является субъектом ответственности за нарушение режима функционирования робота, нанесение им вреда окружающим, применимо ли к нему понятие дееспособности, безупречно ли с этической точки зрения выведение робота из строя, можно ли использовать робота для удовлетворения сексуальных потребностей и т.д. Все эти вопросы, в частности, становятся предметом острых дискуссий японского научного сообщества в свете насущной задачи оперативного реагирования на новые проблемы бурно развивающейся технологической среды, приводящие к трансформации жизненного мира и социальных ролей.

Известный японский робототехник, создатель робота (телеуправляемого андроида) Geminoid, профессор Хироси Исигуро поддержал инициативы движения “Россия-2045” и даже выразил желание принять участие в проекте создания “аватара”. Однако достаточно скромная тональность рассуждений Исигуро о целях его создания существенно отличается от глобальных притязаний, заложенных в идеях проекта. Ученый отмечает, что андроид дает возможность приблизиться к пониманию того, что такой человек, “где проходит граница между сознанием и телом”¹⁸. Апологетический по отношению к робототехнике подход Исигуро не претендует на смену сценариев развития человечества и создания новой расы людей. Скорее своей позицией японский робототехник еще раз напоминает о скромности наших результатов самопознания и его слабости, в контексте которой устремленность к постчеловеческому состоянию выглядит как жалкая попытка не быть собой, не определившись при этом, кто же ты есть на самом деле.

Проект “Россия-2045” лишен такой острой постановки вопроса. В определенном смысле он концептуально прост и носит скорее доктринальный характер, нежели проблематизирует статус и понятие человека. И хотя, интенционально проект отталкивается от того обстоятельства, что люди “телом не являются, что они нечто другое”¹⁹, в то же время акцент на праве человека в расширении его собственной телесности путем увеличения количества его тел (искусственные тела, аватары) и увеличения продолжительности жизни, упускает из виду необходимость рассмотрения сущности этого перехода — от тел к ценностям, к морали, к осознанию “чего-то другого”, что не есть только тело.

Модальность живого тела всегда обращена к боли и страданию. Страдание человека определяет его онтологический статус — статус живого человеческого существа, в рамках которого выстраивается его ценностный мир. Страдание, доведенное до высшей точки, равным образом, как и доведенное до предела наслаждение, способно вывести онтологию человека из границ человеческого. Резкое увеличение продолжительности жизни, сопровождающееся устранением модусов страдающей живой телесности, будет неизменно сопровождаться утратением привычного ценностного измерения человеческого бытия. Данное обстоятельство подводит к более общей и напряженной проблеме обоснования этики и аксиологии ино-телесного существа, которая, по-видимому, не может быть разрешена в границах возможностей заурядного смертного, самопонимание которого выстраивается через процесс самопреодоления и инструментализацию.

¹⁸ <http://www.2045.ru/>
¹⁹ За металл. Интервью с Дмитрием Ицковым, создателем движения “Россия-2045” // Наследник. 2011. № 4 (39). С. 41.